

поприще...». *«Мужик. 1. Разг. Крестьянин (преимущественно — в дореволюционной России). 2. Простореч. Бранно. О необразованном, невоспитанном, грубом человеке. 3. Простореч. Мужчина... 4. Устар. Работник, выполняющий грязную, грубую работу при доме».* И, наконец, слово *мужчина* дано в Словаре в качестве нейтрального, общеупотребительного наименования лица мужского пола.

Е. Н. БОРИСОВА

МИТКАЛЬ, ЗУФРА

Одвой из важных составных частей историко-лингвистического исследования заимствованных слов является этимологический и хронологический анализ иноязычных лексем. Основной и наиболее доступный материал, необходимый для выяснения источника и времени заимствования лексических элементов древнейшей поры, предоставляют памятники письменности. М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967), ссылаясь на исследования Б. Унбегауна, датирует появление названия хлопчатобумажной ткани *миткаль* 1489 годом. Но при более внимательном рассмотрении текста, который анализирует в своей работе (*La langue russe au XVIe siècle*. Paris, 1935, p. 167—168) Б. Унбегаун, становится ясно, что здесь произошла ошибка. Пример взят из послания великого князя Ивана Васильевича к королю Казимиру о нападении в литовских землях на купцов. К посланию приложен список товаров, взятых при нападении («Памятники дипломатических сношений Московского государства с Поль-

ско-Литовским»): «а взяли у него... жемчугу тритцать миткаль безъ трехъ, а въ миткаль по тритцати зерень безъ дву». Исходя лишь из графического облика *миткаль*, а не из контекста, Б. Унбегаун отождествляет слово с названием ткани *миткаль*. Видимо, чувствуя неувязку выводимого значения и языкового окружения, исследователь пытается соотнести их следующим образом: *миткаль* в памятнике якобы обозначает мешок, сшитый из этой ткани и употребляемый для хранения и перевозки жемчуга. На самом же деле слово *миткаль* в этом памятнике не имеет никакого отношения к тканям, а выступает со значением меры веса в 4,81 грамма (В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970) и передает арабское *мискаль* (оно встречается и в словарном составе многих современных тюркских языков, в произведениях Навои, где является заимствованием из арабского языка).

Характеризуя слово *миткаль* из дипломатической переписки, необходимо учесть следующее значение слова-прототипа — «мера веса для драгоценных камней» (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4. СПб., 1914). Источник колебания *с ~ т* — в особенности звучания арабского согласного *с* (он созвучен английскому глухому *th*). Позднее (возможно вследствие влияния другого языка) появляется и форма *мискаль*, например, в словарях иностранных слов: *мискаль* «персидская мера веса».

Что же касается названия ткани, то прототипом его, по всей вероятности, является тюркское *му(е)ткал* «миткаль», встречающееся, например, в чагатайском языке, или персидское *меткал* (но не *mitakāli*, как указано у М. Фасмера).

Таким образом, *миткаль* «название ткани» и *миткаль* «мера веса» — лишь омонимы. И нет никаких оснований относить появление названия ткани к концу XV века.

Мы еще раз убеждаемся в том, что тождество внешнего облика не всегда означает сходство семантики и происхождения.

Название ткани *зуфь* упоминается впервые в тексте дипломатической переписки конца XV века, а не в памятниках XVI века, как обычно указывается в этимологических словарях. Оно отмечается в грамоте 1489 года. Контекст, сведения о ввозе тканей в Московское государство, а также форма слова *зуфь* говорят о том, что оно вошло в русский язык, скорее всего, из турецкого (куда оно попало из арабского): «...охабень зуфь зелена...» (русское *зуфь* < турецкое *suî, sof* «шерсть, шерстяная ткань»); арабизм *суф* встречается в памятниках тюркской письменности: в произведениях Им. Насими, в «Нахджул — фарадис» (XIV в.) и других.

В памятниках XVI—XVII веков отмечается форма *зуфра* (смотрите в словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618—1619 годов: *zʹʹfʹʹz* ‘*chamlet*’). По всей видимости, здесь мы имеем дело с повторным заимствованием слова. Как известно, возможно неоднократное заимствование одного и того же слова, причем оно не всегда переходит из конкретно-исторического языка-источника. А различие источников обычно (но не всегда) проявляется в оформлении или в значении.

В XVI—XVII веках ткань *зуфь* стали привозить из Ирана. И именно с ввозом персидской *зуфи* связано, на наш взгляд, появление в речи русских (а также в памятниках) формы *зуфра*. Как в современном языке персов, так и в классическом используется послелог (служебное слово) *ра* в качестве показателя прямого дополнения, соответствуя в этой функции русскому винительному падежу. И в языке торговцев *суф* обычно встречалась не в основной форме, а в форме прямого дополнения, например, *суф ра авърдѣм* ‘я принес зуфь’. И, поскольку этот послелог произносился слитно с предшествующим ему именем и не принимал на себя ударение, *суф ра* воспринималась русскими как единое целое и дала *зуфра*. А в результате взаимодействия форм *зуфра* и *зуфь* появилась лексема *зуфрь* (свою роль сыграла и безударность конечного гласного в первом слове): «зуфрь лазорева, ..., изуфрь червчатая» (Писцовые книги г. Коломны 1577—1578 годов и Можайска 1595—1596 годов; там же смотрите производное *зуфренъ* (*изуфренъ*): «стихарь зуфренъ бѣль»; «три аршина изюфри» (Мангазейские памятники 1633 года).

Таким образом, слова *зуфь* и *зуфра*, проникнув в русский язык в разное время и из разных источников, в силу того, что, обозначая одну и ту же ткань, были семантически тождественны, стали восприниматься как варианты одного слова (смотрите комментарии Б. А. Ларина к словарию-дневнику Р. Джемса: «Зуфра, изуфрь, зуфь — варианты названия этой восточной ткани»).

Итак, за различными вариантами одного и того же слова может стоять различное происхождение, различное время проникновения в язык-приемник и т. д., и все это должно найти свое отражение в этимологических словарях.

К. Р. ГАЛИУЛЛИН